

THE INAPPROPRIATE USE OF PRONOMINAL WORDS IN COMMUNICATIVE PRACTICES OF ONLINE COMMUNITIES

Abstract: The article discusses the various types of inappropriate use of pronominal words in the communicative practices of participants of the virtual community in the online forum. The author analyses the most frequent facts of deviations from the norm in the aspect of language usage and network subculture, and in the aspect of realization of the intentions of communicants.

Author information:

Tamara Pivavarchyk

Assoc. Prof., PhD

Yanka Kupala State University of Grodno

✉ t.pivovarchik@grsu.by

🌐 Belarus

Keywords:

pronominal words, deviant communication, language usage, communicative practices, virtual community

Интернет и виртуальный дискурс создали условия для трансформации традиционных и формирования новых коммуникативных практик с особым, в том числе намеренно девиантным, использованием языковых единиц, «разрушением стандартного кодифицированного языка и созданием ему альтернативы» [4, с. 35]. С социально-культурной точки зрения девиантное – это ненормативное, нестандартное, отклоняющееся от образцовых представлений и в то же время связанное с реализацией категорий инаковости, индивидуальности, креативности [10, с. 10–26]. Целый ряд коммуникативных практик интернета, имеющих глобализированный характер, можно отнести к девиантным, например, на основе таких выделяемых в [6] признаков, как декларация автономности, модус антисистемности и деиерархичности, концептуально-языковые формы противопоставления магистральной сфере культуры и др. При этом «девиация как культуротворческая стратегия является одним из важнейших способов образования новых содержаний и форм» [6, с. 77], реализации лингвокреативного мышления коммуникантов.

О многих нарушениях применительно к интернет-речи можно говорить как о проявлениях узуса или как об «интенционально фокусируемых отклонениях от конвенционального образца», «интенционально заданной ненормативности» [10, с. 22], так как у постоянных участников общения на форуме, в чате, социальной сети нет негативного восприятия эрративов и других отклонений от норм литературного языка, более того, они оцениваются как общепринятые в сетевом сообществе, целесообразные, предпочтительные. В статье описываются факты нестандартного, «отклоняющегося» использования местоименных слов в речи участников интернет-форума forum.grodno.net. Во всех приводимых ниже примерах сохраняется их исходное написание.

Анализ материала позволил выделить два типа нарушений в использовании местоименных слов в текстах интернет-форума. Первый тип представлен в той части «веток» интернет-форума, которые реализуют информационный «утилитарный» дискурс: его цель – взаимный обмен знаниями и опытом. Наличие тех или иных ошибок в сообщениях свидетельствует об уровне речевой культуры интернет-пользователей. Так, участниками форума широко используется просторечное местоимение *ихний* без всякой дополнительной коннотации, массово игнорируется дефисное написание неопределенных местоимений: *кто знает где можно записаться на **какиенубудь** курсы ДжиИли как вообще можно пробиться в **ихний** круг* (03.11.2006); *Уже **кто нибудь** оказался на улице?* (31.01.2013).

Второй тип девиаций характерен для т.н. «фатических бесед» интернет-форума – «ни к чему формально не обязывающих разговоров на общие темы, основная цель которых – провести время с собеседником, оставаясь с ним в вербальном контакте» [8, с. 66]. Как показывают наблюдения, именно в пространстве такой фатики и представлено сознательное,

«экспериментальное», «креативное» нарушение нормы в расчете на прогнозируемую, ожидаемую реакцию собеседников. Эти запланированные девиации отражают особенности форумного социолекта, «модные» стилевые и речевые практики сетевого сообщества: *тут дама отказалась запичатляцца, но **ана** в **маей** памяти* (29.09.2016); *я **сибя** сразу старым ачучаю* (29.09.2016).

Нередко такие неправильности становятся одним из элементов в кодовой системе девиантной культуры наряду с отклонениями от различных когнитивных, социокультурных, речевых стандартов, а также средствами реализации субкультурных коммуникативных практик речевой агрессии – флейма, флуда, троллинга и т.п. Так, в представленных ниже примерах просторечная форма *ихний* актуализирует значение ‘чуждый, принадлежащий другой культуре’, маркирует «зону» негативно оцениваемого объекта речи как аномальную, не соответствующую принятым правилам и нормам на основе импликации к фоновым знаниям других участников форума: *с **ихними** ценами пошли они лесом* (14.08.2017); *Забывчивость **ихняя** начинает принимать регулярный характер* (28.12.2017); *кстати телефон **ихний** скину чтоб люди знали* (03.11.2016); *Из-за ошибки **ихнего** долбаного оборудования я должен бегать, как белка в колесе* (15.10.2009). Многие высказывания, в которых встречаются подобные просторечные формы, имеют интенции осуждения или угрозы, представляют собой пейоративные речевые акты: *От по Вашингтону я бы проехался на танке. Солярка наша, впечатления **ихние*** (24.02.2016).

Местоимение *ихний* часто маркирует значение ‘зарубежный’ в контексте противопоставления своего и чужого: *Кстати сегодня был в Литве. Там маразма нету, но ничего не работает.))) **Ихние** бизнесмены нашу страну хвалят* (04.04.2012); ***Ихние** бы цены да к моей зарплате...* (15.06.2016). Прагматический смысл может актуализироваться благодаря намеренно создаваемому автором высказывания стилистическому контрасту: *Нормальные товарищи, добрейшие люди, а **ихние** дамы виртуозы кухни* (21.08.2016).

«Жонглирование» просторечными и диалектными формами вообще очень характерное для форумной коммуникации явление: *Виктор, **это** как поиск Грааля..* (20.06.2016); *А чё Бисан? У **ей** профессиональное* (03.05.2017); *моск был занят мыслями о том, как же я буду **отселева** выбираться?!* (26.05.2009); *Тебе же **оттудова** виднее, расскажи нам* (19.12.2010). Так создается иллюзия доверительного дружеского «трёпа» без каких-либо запретов и ограничений, но зато с мягким подтруниванием, иронизированием, шутками и насмешками.

Основой для речевых экспериментов выступает грамматический и семантический потенциал местоименных слов, не всегда востребованный в стандартных речевых практиках, о чем свидетельствуют обсуждаемые в [1, с. 354–361] «загадки, связанные с функционированием местоименных парадигм», например, с возможностью включения в местоименную парадигму дополнительных падежей или с неодинаковой употребительностью тех или иных местоименных форм в разных речевых ситуациях. Так, в речи участников интернет-форума регулярным является окказиональное расширение парадигматических возможностей местоименных слов: например, образование краткой формы отрицательного местоимения – *Жизнь такова какова она есть и **никакова** иначе* (01.12.2007). Лексема *никаков* указана Н. Ю. Шведовой в системе отрицательных местоимений русского языка [11, с. 13], однако в Национальном корпусе русского языка зафиксированы всего четыре примера с использованием данного слова, причем три – в текстах XVIII века.

Особенно частотны в практиках «пустых разговоров» форумчан высказывания с расширением парадигмы личного местоимения первого лица, что объясняется в том числе его способностью к образованию супплетивных форм: *За что **мну** лишили титула!* (21.03.2015); *пришел **мну** такой глупый (а может быть и нет) вопрос* (14.02.2010); *у **мню** начинается звездная болезнь!* (29.04.2014); *это ты обо **мню**?* (05.08.2014); *Все **мня** ясно стало теперь* (03.05.2010); *у **мня** пацти полтышчы* (22.09.2015); *так как не было настроения у **мна*** (16.01.2008); ***мна** прикол понравился* (13.09.2008). При этом расширяются контекстные условия использования тех или иных «новых» косвенных форм: последние становятся универсальными, так как способны реализовывать все падежные значения личного местоимения первого лица; разрушается традиционное представление о делении падежей на прямой и косвенные: *просто мнение у **мну** такое пуританское* (18.10.2011); ***Мня** тоже заболел, поэтому **мня** на праздник вечером не пойдёт, будет лежать и кушать таблетки* (23.03.2008); ***Мню** успешно защитилась в апробации учителей)))) Поздравления где?))))* (<http://askee.ru/question/64264>).

Окказиональные словоформы *мня, мна, мню, мну* используются как полные синонимы по отношению друг к другу. Описывая расширение парадигмы как один из приемов языковой игры, В. З. Санников указывал, что употреблением грамматических форм, «лишь потенциально возможных или вообще недопустимых в нейтральной речи, автор добивается предельной

новизны выражения и, шокируя слушателя, акцентирует его внимание на том смысле, который хочет передать» [7, с. 71]. Важно отметить, что такие окказиональные употребления характерны именно для местоимения первого лица (не второго и не третьего), что можно объяснить функцией самопрезентации как одной из важнейших во взаимодействии интернет-собеседников. Дискурс форумов, блогов, чатов – это в значительной степени автореферентный дискурс (термин Е. В. Солодковой), и такие «шокирующие» формы позволяют привлечь дополнительное внимание к пользователю, индивидуализировать его.

Прочно закрепилось в речевых практиках участников интернет-форума написание местоименных слов с искажением их графического и орфографического облика: *Кажещо, что фсе на виду, но однако...* (20.06.2016); *Любовь всегда жестокая* (21.06.2016); *а Геша где?* (22.06.2016); *мая булачка.. я тибя люблю и цилую* (16.08.2011). Такие эрративы – элемент «языка падонкафф», средства создания речевой маски пользователя в соответствии со сложившимися в субкультуре интернет-общения лингвокультурными типажам флеймера, тролля, падонка и под.: *Книга – редкостный отстой, через который сквозит жгучее желание афтара срубить бабла. Хай се верующие неадназначна пареагируют* (22.05.2006).

Нарушения соответствуют культурному коду постоянных участников интернет-форума, помогают реализовывать намерения профанизации слишком торжественных и пафосных ситуаций, разрушения традиционных ритуалов: *Севодня у одново парня с форума Свадьба! Поздравляем ево с этим праздничным днём и жэлаем всево хорошево. <...> И благосостаяния и вообще всево чево сам себе захочет!* (29.09.2007); *Вспомни юношеские годы, и похулигань нимнога* (14.08.2010); *Ура-а! падару тибе станок и пенку Жиллет!* (12.04.2007).

Еще одна функция выдвижения в центр речевых практики маргинальных с точки зрения системы литературного языка форм – поддержание общения в определенной тональности. Так, сочетание просторечного местоимения с разговорным глаголом в фразе «прочитала «Муравьи» – неплохо, – вот, думаю, стоит ли еще **че** читать данного автора» (23.08.2006) актуализирует в семантике высказывания – быстроту и небрежность описываемых действий, в прагматике – экспрессивность и фамильярность общения с адресатом.

Сетевая коммуникация пользователей интернет-форума имеет ярко выраженный игровой характер, что проявляется и в намеренном использовании стилистически маркированных адекватных дериватов типа *мойный, евоный, евонный, евойный, всехный, всехний* и т. п. с целью создания юмористического эффекта, сокращения дистанции в межличностном общении до уровня фамильярности: *И мы с мужуком мойным тоже поздравляем* (12.10.2007); *Но мойный Кот за версту вражин чуёт* (<https://www.politforums.net>. 08.11.2017); *а кот евоный сегодня мойку со шкафа скинул* (06.09.2017); *Так мы всем форумом собирали в шапку евойную. И насобирали...* (16.08.2008). Особенно эффективным является использование таких диалектно-просторечных слов в окружении книжной, в т.ч. «высокой», лексики: *Ваши добрые дела <...> послужат хорошей инвестицией в будущее вашего бизнеса и евоное процветание и успех!* (06.09.2017); *Это праздный вид коллеги и моделей евоных сбили меня с мыслью духовных и высоких на мысли грешные о прелюбодеянии и распутстве* (08.09.2009).

Частотны в сообщениях участников форума редуцированные формы местоимений: *Хотя дома у мя и так тепло* (17.10.2006); *Рокер, с наступающим тя?* (14.04.2005); *А эт я видел!* (13.05.2011); *эт точно* (25.08.2012); *А скока радиус действия?* (03.03.2017); *придумай что-нить новее* (20.08.2008); *Я за! тока када и где?* (10.04.2010). Такие стяжения в устной разговорной речи обусловлены частотой употребления, быстротой произнесения, малой информационной нагрузкой местоимений [3], а в письменных текстах интернет-форума – отражают действие закона экономии речевых усилий, сближение практик устной и письменной речи, закрепление своеобразной субкультурной нормы. Можно обнаружить прагматические расхождения в использовании участниками интернет-форума полных и редуцированных форм, когда за последними дополнительно закрепляются коннотативные значения: социокультурные – пользователь демонстрирует свою принадлежность к языковой субкультуре и таким образом актуализирует смыслы «свой» или «чужой» по отношению к тем, с кем ведет диалог; коммуникативные – пользователь подчеркивает как ценностно значимые для него в данной речевой ситуации непринужденность общения, «живость» диалога, непосредственность реакций, отказ от стандартов, что в целом соответствует коммуникативной субкультуре интернет-форума. Таким образом, в отличие от устной разговорной речи, такие редуцированные формы в письменных практиках, наоборот, становятся прагматически нагруженными – могут сообщать дополнительную информацию при учете экстралингвистических факторов и фоновых знаний собеседников о норме и ее нарушениях.

Как уже не раз отмечалось исследователями, инновации сетевого социолекта и языковая игра в практиках интернет-речи позволяют через противопоставление нормы и узуса раскрыть дополнительные возможности системы – в том числе и такой, по словам Н. Ю. Шведовой, «стабильной и самодостаточной», «закрытой для интервенции каких-либо новаций» [11, с. 12] системы местоименных слов русского языка. В то же время нельзя не признавать, что массовое распространение ошибок и нарушение элементарных норм в практиках интернет-коммуникации «формирует негативное отношение не только к языковой норме, но и к социальной норме вообще» [5, с. 104], возводит девиантность в норму, «искажает познавательные модели, репрезентированные в языке, что ведет к деформации сознания индивида» [9, с. 4].

Таким образом, возможности девиантного использования местоименных лексем в практиках интернет-коммуникации обусловлены, с одной стороны, потенциалом лексико-грамматической системы языка в порождении новых форм и значений и их дискурсивных актуализаций, с другой стороны, расширением речевых и культурных практик и активизацией текстовой деятельности носителей языка («теперь читателей нет, теперь все писатели»), с третьей – развитием интернета как новой среды для функционирования языковой системы. Факты ненормы и антинормы в использовании местоименных слов и других языковых единиц могут представлять интерес для функциональной стилистики (закономерности употребления слов и форм в разных форматах и жанрах фрагментированного интернет-пространства), социолингвистики (девиации как маркеры речевых практик и субкодов разных социальных групп), прагмалингвистики (интенциональный и перлокутивный потенциал девиаций).

References:

1. *Bulygina T. V., Shmelev A. D.* Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki). Moskva, 1997.
2. *Dobrushina E. R.* Mezhdru normoj-intuiciej i normoj-kodifikaciej, ili Dvesti let vmeste s ihnij // *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2013. № 2. S. 181–204.
3. *Zemskaya E. A.* Russkaya razgovornaya rech: lingvisticheskij analiz i problemy obucheniya. Moskva, 1979.
4. *Nam H. H.* Uzus, norma i sistema v kontekste sovremennogo russkogo yazyka: na materiale internet-kommunikacii // *Mir russkogo slova*. 2013. № 3. S. 33–43.
5. *Orlova S. L.* Tipichnye oshibki v internet-SMI i tipichnye oshibki v diktantah kak dve storony odnoj problemy // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologiya*. 2014. Tom 13, vypusk 9. S. 102–105.
6. *Panov S. V., Ivashkin S. N.* Deviaciya: eskhatologicheskaya perspektiva i ideya performatografii // *Voprosy kulturologii*. 2009. № 6. S. 76–78.
7. *Sannikov V.* Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry. Moskva, 2002.
8. *Sternin I. A.* Svetskoe obshchenie. Voronezh, 1996.
9. *Hristova N. A.* Vozdejstvie rechevoj deyatel'nosti SMI na poznavatelnye struktury individa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver, 2005.
10. *Chernyavskaya V. E.* Kommunikaciya v nauke: normativnoe i deviantnoe. Moskva, 2011.
11. *Shvedova N. Yu.* Mestoimenie i smysl. Moskva, 1998.